

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ТАНЦУЕТ МИХАИЛ ЛАВРОВСКИЙ

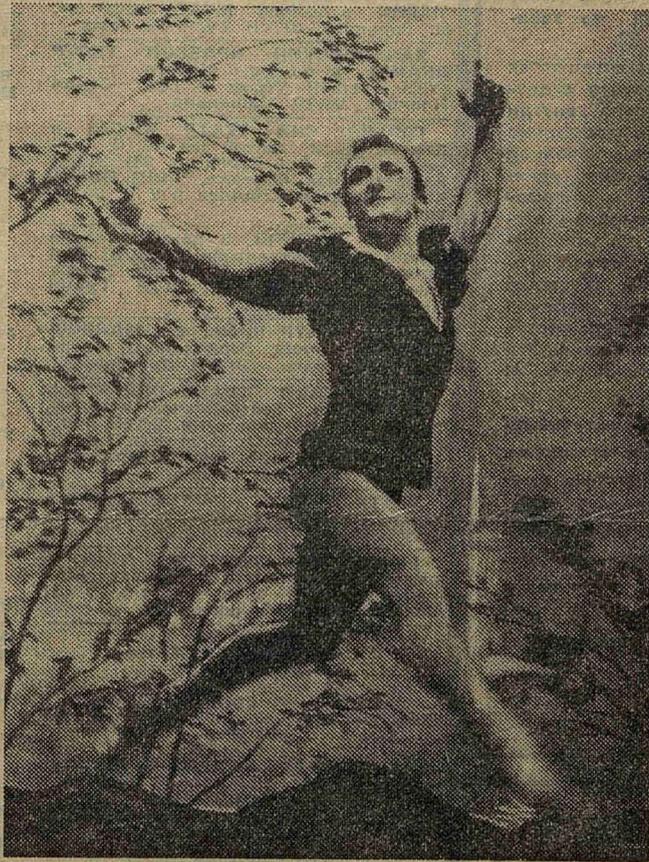
НЫНЕШНИМ летом на международном конкурсе артистов балета в Варне Михаил Лавровский набрал наибольшее число очков и завоевал золотую медаль лауреата первой премии, получив почетное право потушить огонь, который пылал все дни, пока шло всемирное соревнование.

Кроме того, Миша Лавровский как победитель должен был произнести речь от имени пяти «золотых медалистов», от всех лауреатов и участников конкурса. Речь он произнес. И очень хорошо. Но чего это стоило! Право, он, вероятно, предпочел бы снова станцевать все три конкурсных тура или выступить во всех своих спектаклях, которые он исполняет в Большом театре. Благо танцевать он любит больше всего на свете, и нет для него лучшей радости, чем пребывание на подмостках.

Вот первый признак природного артиста: радость творчества. Радость, которая так искренна, полна и заразительна, что она мгновенно передается в зрительный зал. И зал благодарен тому, кто наделен такой силой «передачи энергии на расстояние».

Она отличала этого юношу еще в школе. На выпуске в паре с Н. Сорокиной их дуэт «Диана и Актеон» вызывал гром рукоплесканий. Энергия танца, его азарт, запальчивость, увлеченность даже мешали иногда. Но чем дальше, тем лучше овладевает молодой артист труднейшей наукой «сценического самоуправления». В нем все больше развивается чувство меры. А мера, как известно, — это и есть искусство...

Совсем не просто обуздать театральные эмоции, которые так активны, что рискуют разорвать тонкую ткань классического танца, его изысканный рисунок. Еще труднее, уже завоевав немалую популярность, сказать себе: стоп! Не слушай грома аплодисментов. Взгляни на молнии недовольства, которые внезапно и все чаще озаряют твой внутренний мир, пойми, чего-то ты еще не умеешь. Вот в этих мгновенных самокритических озарениях — залог роста художника, его восхождение в гору истинного искусства.

Михаил ЛАВРОВСКИЙ танцует партию Альберта в балете «Жизель».

Фото Л. ДУБИЛЬТА (АПН).

Ох, как крута тропка! Всегда нехоженая, ибо каждый талант идет своей дорогой. И никаких альпенштоков. Никто за тебя, даже при всем желании, не сделает виртуозного движения, которое упорно «не получается»: ты должен работать до тех пор, пока оно выйдет.

Никто, кроме тебя, не создаст роль, порученную Мише Лавровскому, в старом или новом балете... Конечно, тебе будут помогать все, как и полагаются в советском театре. Конечно, как всегда, твой самый верный, самый требовательный друг и воспитатель — твоя мать, в недавнем прошлом замечательная балерина Елена Чикваидзе, подает тебе полезный совет. Но ты, только ты сам ответствен «пред балетом и людьми» за то место,

какое ты в нем завоеуешь и какого окажешься достоин.

Уже сегодня завоевано много. Очень много. И первая золотая медаль Варны — лишь одно из этих завоеваний. Еще будучи в последнем классе Московского хореографического училища и выступая в театре Реджо в дни Пармского фестиваля, Лавровский уже мог прочесть в итальянских газетах о себе много (порой излишне много) лестного. Потому его приняли в Большой театр, и он почти сразу уехал с коллективом в американское турне и здесь имел такую прессу, что головокружение от успехов было бы вполне, если не оправдано, то объяснимо.

Три примера. «Сенди пресс»: «Любимцем публики был Михаил Лавровский, и редко мож-

но наблюдать, как быстро перекидывается через рампу ощущение радости исполнителя от процесса танца»... «Ириш индипендент»: «Его Актеон выглядит воплощением мощи и грации античного идеала»... «Таймс»: «Михаил Лавровский — молодой танцовщик, с которым мало кто может сравниться»...

Закружилась ли у него голова? Не без того. При этой красоте (обычно мы говорим — «благодарные внешние данные») и подбном успехе, повторяю, не диво даже и рост самонадеянности. Но чего не было — того не было. Была работа — очень напряженная во время гастролей. Не менее напряженная дома. А ведь неустанный, все возрастающий труд — прекрасное лекарство и лучшее профилактическое средство от многих пороков, включая и преувеличение своих способностей.

До зрелых лет ему еще далеко. Ему нет еще и 24. И до зрелого мастерства тоже не близко. Но несомненно, что он взбирается на эту труднодоступную вершину с упрямством юности, с силой настоящей одаренности, с целеустремленностью и работоспособностью, которые тоже отличаются лишь художественные натуры. Вот почему он сравнительно редко оступался на своей горной тропе творчества. Вот откуда его успех в героической роли центральной мужской партии «Лауренсии». Вот откуда благородство, изящество его Альберта в «Жизели». Эти качества «перевешивают» ту резкость, которая нет-нет да проскользнет у него в элегическом балете Адана. Да и Вацлав у Лавровского в «Бахчисарайском фонтане» гораздо больше рыцаря, воин, смельчак, чем «голубой» балетный возлюбленный...

Хорошо это или плохо? Мнения делятся почти поровну. Я предпочитаю синтез: мужественность без резкости в соединении с пластичностью без изнеженности и определенность живого человеческого характера, избавленного от «балетной нивелировки». Мне кажется, что к этому стремится и сам Михаил Лавровский. Следовательно, он ставит пе-

ред собой цели наиболее трудные.

Почти каждая новая роль оказывается сделанной более серьезно, на более высоком профессиональном уровне. Взрослеет и артист. Мужает талант. Уже Ферхад в «Легенде о любви» Григоровича на музыку Меликова далеко позади оставил многие предшествующие работы. Раб из «Спартака», Коралл из «Конька-горбунка», участие в «гранпа» «Раймонды», Голубая птица в «Спящей красавице», Солар в «Тенях» из «Баядерки» — все это было удовлетворительно или хорошо, а иногда и великолепно. А Ферхад — лучше. Осмысленнее. Глубже. Содержательнее. И чисто танцевально — интереснее.

Идея служения народу. Бесстрашие. Безмерная любовь к Шири. Отказ от притязаний царицы Мехменэ, которая сулила ему жизнь владыки... Правдивость чувств: рыцарственное понятие о чести и долге — все, чем прекрасен образ каменотеса и художника Ферхада, выразил танец молодого исполнителя. Он оказался верным единомышленником балетмейстера нового, прогрессивного направления, воплотил на сцене его творческие принципы. Перед нами было симфоническое развитие танца, всегда органически соединенного с игрой, с действием и мыслью героя.

Ферхад — последняя по времени работа Лавровского. Она предшествовала Варне и, конечно, сыграла свою роль, помогла одержать победу «в мировом масштабе».

А до вершины все еще далеко. И это прекрасно. Потому что на пути в гору — много новых ролей, много труда, много размышлений над все более усложняющимися творческими задачами. И размышлений о жизни, об искусстве и своем долге перед ним. О долге перед народом.

Анна ИЛУПИНА.